

С Днём Победы!

Всё только начинается!

Ф И Л Ю а ф

Газета юных журналистов ГОУ школы № 309 Центрального района Санкт-Петербурга. май 2014

Слово редактора

ОПЯТЬ МАЙ

Традиционно мы встречаем его свежим номером праздничной газеты. И очень здорово, что добрая половина подготовленных материалов о тех, кто имел непосредственное отношение к данным событиям. Авторы нашли возможность пообщаться с близкими, знакомыми и малознакомыми людьми, оказать внимание и выразить свою благодарность, пока ещё не поздно. Порой небольшие по объёму, но глубоко искренние, берущие за душу сюжеты о собственных дедушках и бабушках, написанные неравнодушной рукой, позволяют понять: память жива, и новое поколение говорит им, выстоявшим, выжившим, победившим, большое человеческое спасибо. С праздником Победы!

Редактор номера
Г.Н.Наумова

С победоносным завершением Великой Отечественной войны, товарищи!

Подписание акта
о безоговорочной капитуляции
германских вооруженных сил
О ВОЕННОЙ КАПИТУЛЯЦИИ

СОВЕТСКОЕ
ИСКУССТВО

ВЕЧЕРН
МОСКВА

ПОМНИМ ЛИ МЫ?

В день снятия блокады Ленинграда 27 января в память об этом радостном событии в центральной городской детской библиотеке им. А.С. Пушкина обычно организуется встреча с пережившими те события и выставка их личных вещей, сохранившихся с войны. В этом году и мне посчастливилось соприкоснуться с живой историей.

Задача журналиста на любом мероприятии — собрать побольше информации и зафиксировать точные факты. Именно затем я и пришла туда. На место прибыла на тридцать минут раньше в надежде увидеть что-нибудь интересное, подсмотреть необычную сцену, возможно, познакомиться с кем-нибудь и взять интервью. Да, нечто уникальное произошло, и именно это событие заставило меня забыть о своих журналистских целях и просто провести время как самый обычный человек: не отвлекаясь на записи слушать и говорить, смотреть экспозицию без необходимости постоянно фотографировать. Моё внимание привлек следующий эпизод: гости, виновники встречи, вместе с детьми и внуками понемногу начали собираться в холле в ожидании назначенного времени и приглашения в гостиную. Среди первых посетителей была только одна блокадница — Елена Валериевна Альбрехт

в сопровождении взрослой дочери. Пока дочь рассматривала детские рисунки, посвященные 70-летию со дня снятия осады города, она завела разговор с девочкой, появившейся из читального зала, на вид ученицей второго класса. «Помнишь меня?» — тихо и с явным усилием спросила взволнованная женщина. «Конечно!» — тут же уверенно и громко сказала школьница. Глаза Елены Валериевны наполнились слезами, улыбка осветила лицо. Девчушка, немного растерявшись, стояла рядом, держа свою руку в руке собеседницы. Не знаю, быть может, они были уже давно знакомы, и данная встреча отнюдь не первая. Быть может, они дружат семьями и бывали друг у друга в гостях... Но для присутствующих это был диалог между всеми ветеранами Великой Отечественной и молодым поколением. Помним ли мы вас? Конечно! Тут же я положила свой блокнот и фотоаппарат обратно в сумку, по-

тому что меня вдруг осенило: быть может, я стала свидетелем одной из последних встреч с теми, кто застал войну, и очень захотелось просто побыть с ними, не заботясь о сборе материала.

За столом собралось немного ветеранов войны и жителей блокадного Ленинграда, остальную публику представляли дети, внуки и мы, любопытные школьники. Моей соседкой оказалась Иллариона Григорьевна, изумительно приятный и открытый человек. Она не относилась к категории блокадников, так как во время первых эвакуаций покинула Ленинград, однако ее отец защищал родной город на фронте. Женщина была очень приветлива, доброжелательна, с затаенной грустью вспомнила о своей военной судьбе. Думаю, нет смысла её пересказывать — она похожа на тысячи таких же судеб. Но выслушав ещё одно свидетельство невероятно жестокого времени, я, житель мирных

дней, твёрдо поняла, что ни за что не хотела бы таких испытаний ни для себя, ни для своих детей.

Прощавшись с этими милыми людьми, долго оставалась под впечатлением. Откуда столько мужества у простых жителей оккупированного города: выдерживать бесконечные атаки противника, обстрелы, голод, постоянные потери и смерть близких. Трудности не сломили их, они остались сильными духом, с добрым и открытым взглядом на жизнь и на нас, представителей нового поколения. Рассказывая о пережитом, ветераны радостно и ласково улыбались, глядя на детей мирного времени с затаённой грустью и надеждой. Вот к чему они шли, ради чего воевали, что желали. Чтобы мы, их потомки, не знали страшного слова «война», они страдали за нас, умирали за нас, голодали за нас, сражались за нас. А теперь они счастливы оттого, что счастливы мы. Что мы

родились, выросли и благодарны им за их труд, что смотрим на них, недоумевая, когда они говорят нам о войне. Мы бы и рады понять, насколько все было страшно, да не можем. Мы можем просто помнить и благодарить, а потом рассказать своим детям о наших героических бабушках и дедушках. И мы — счастливое поколение, которое еще может встретить героев лично, от первого лица узнать достоверные истории. Мы можем сами обнять и сказать «спасибо», учить историю не по учебнику. Не хочется думать, что вот еще несколько десятков лет, и память о людях войны останется лишь в их дневниках, монументах и в наших сердцах. Дорогого стоит видеть героя перед собой, знать, как все было на деле. Тяжело об этом вспоминать, но мы должны помнить и жить счастливо, ведь они за это боролись, не жалея своих собственных жизней.

Ульяна Васильева

НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ ИЗ ЖИЗНИ МОЕГО ДЕДУШКИ

Мне всегда казалось, что мой дедушка прожил достаточно беззаботную, легкую жизнь. В его присутствии ты хоть раз, но обязательно улыбаешься. Даже если шутки были не такие уж смешные и удачные, тебя веселило то, с какой искренностью и детской непосредственностью он их «подавал». Я практически не слышала историй из его жизни. Знала только, что война застала маленького Мишу в деревне. Будучи четырехлетним мальчиком, он оказался на оккупированной территории. Несколько случаев из того периода, услышанных от его родственников уже после смерти, заставили меня посмотреть на него и на судьбу тех, кто пережил тяжелые годы войны, совершенно другими глазами.

День. Мирное небо Псковской области, словно взмахами острых ножиц, разрезают самолеты. Миша стоит прямо на подоконнике и смотрит вверх. Объекты издали напоминают ребёнку небесных мух. Один из самолетов, попав под удар зенитки, стремительно падает. Он уже не похож на безобидное насекомое: окутанный огнем движется в направлении к дому мальчика. К счастью, пролетает мимо в поле. Миша замирает от страха и падает в помещение. Глаза полны ужаса.

Через несколько месяцев в деревню пришли каратели — войска, которые не участвовали в сражениях, а наводили порядок на захваченных территориях и боролись с советскими партизанами. Им стало известно то, что один из родственников дедушкиного семейства — партизан. Немедленно они направились в дом и, увидев мать Миши, поставили ее к стенке, надавив на горло ружьем. «Где они, говори!» — разнеслось по всему дому. «Я ничего не знаю» — прозвучал сдавленный голос в ответ. «Где партизаны?» — настойчиво переспросил фашист, направив на нее автомат. Молчание прервал мальчик, повиснув на оружии, и хриплым от ужаса голосом крикнул: «Не трогай мою маму! Не трогай маму!». Скинув четырехлетнего Мишу, немец плюнул ему в лицо и...ушел.

За время войны наши навещали их дом именно ночью, так как каратели в это время суток там не появлялись. Бойцов кормили, пекли для них хлеб. Днем гостями были немцы, которые, приходя, нагло требовали яиц и молока. Однажды так случилось, что партизанам необходимо было появиться в селе днем. Оказалось, что следом за ними подъехали и фашисты. Они потребовали традиционный паек, а наши тем временем находились в соседней комнате. Бабушка пошла за молоком и вместо коровы начала доить коня...от страха. Ничего не заподозрив, оккупанты получили продукты и благополучно ушли.

Несколько сюжетов из вихря подобных историй. Теперь, слушая о других случаях времен войны, мне становится по-настоящему больно. Благодаря воспоминаниям о дедушкиной жизни те страшные годы уже не кажутся чем-то далеким. С тех пор, как узнала о них от близкого человека, с искренним уважением смотрю на всех ветеранов. И никакой задорный взгляд и многочисленные шутки не создадут у меня иллюзию того, что эти люди мало пережили. Думаю, просто иногда мы мало знаем о них. Пока ещё есть шанс, узнайте.

Анастасия Ходакова

Годы идут, и война теряет свою реальность в сознании людей. Её ужасы уже не видятся так живо. Современное поколение застало ветеранов, и поэтому уважение к их подвигу привито нам с детства. А если заглянуть в будущее?

Изучая Великую Отечественную по книгам, следующие поколения станут воспринимать её так, как мы когда-то события 1812 года. «Да, это было, но прошло», — традиционно отмахнутся наши дети.

Однако так не должно быть. Великая Отечественная война — слишком значимая страница истории страны. Для большинства граждан гордость за Россию определяется этой победой.

Моя семья живёт в Санкт-Петербурге с довоенных времен и всю блокаду провела здесь. Уже третье поколение передаёт друг другу воспоминания о пережитом, и я обязательно перескажу те истории своим детям. Именно они, а не сухие даты и цифры отражают тяжесть тех времен, отвагу, мужество, стойкость и волю к жизни ленинградцев.

Страшные и потрясающие по

ХОЧЕТСЯ ВЕРИТЬ

заклочённому в них смыслу, они с предельной достоверностью повествуют об атмосфере осаждённого города.

В детский сад, где работала моя прабабушка Мария Калистратовна Власова, вбежал мужчина, крича, что над городом сбили немецкий самолёт. Лётчик прыгнул с парашютом и, похоже, спускается в Ботанический сад. В помещении из взрослых находились только женщины, да и повсюду было так, ведь все мужчины ушли на фронт. И вот вдоль Карповки к Ботаническому саду побежали нянечки из садика, санитарки из больницы Эрисмана, ещё кто-то... Впервые враг, — тот враг, который убивал их мужчин, морил голодом их детей, разрушал их дома, — был где-то далеко, а рядом, в пределах досягаемости. Один неудачливый немец — и множество ленинградских женщин... Милиция и военные подоспели значительно позже, так что лётчику на себе удалось почувствовать весь гнев и ненависть разъяренных ленинградонок...

Другая памятная история произошла после блокады, когда прабабушка с дочками вернулись из эвакуации в свою комнату в коммуналке. Как-то вечером Мария Калистратовна возвращалась с ра-

боты и вдруг краем глаза заметила рядом движение — кошка! Это было странно, ведь их в Ленинграде совсем не осталось — всех в войну съели. Кошка была тощей, серой расцветки, держалась уверенно и спокойно шла рядом. Вдвоём они направились к подъезду. Бабушка открыла дверь и сказала спутнице: «Заходи!». Та вошла. Кошку показали соседям и назвали, естественно, Муркой. На ночь оставили в общем коридоре, надеясь, что гостя окажется неплохим крысоловом. И действительно — когда Мария Калистратовна утром открыла дверь комнаты, на коврике были аккуратно разложены шесть крыс. Так продолжалось несколько месяцев. Грызунов становилось всё меньше, потом их вообще не стало. И тогда Мурка ушла — просто вышла с кем-то вместе за дверь и отправилась искать себе другой дом. Бабушка была человеком недовольным, но о кошке говорила: «Нам её Бог послал».

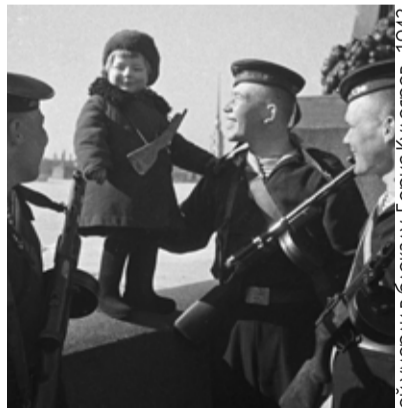
Вот лишь несколько эпизодов из жизни моей семьи. А все они навсегда наложили отпечаток на уклад жизни последующих поколений. Так, прабабушка до самой смерти поддерживала в образцовом порядке запас на случай войны: соль, сахар, крупы, спички, консервы, мыло. Всё это было аккуратно сложено и вовремя обновлялось. Знаю, что так поступали многие люди, пережившие блокаду. Для них за словами «Великая Отечественная война» кроется не просто хроника событий, а слёзы горя и радости, голод, утраты и долгожданные встречи, непоколебимость духа и победа.

Хочется пожелать нашим потомкам бережно хранить память о прошлом, чтобы правильно оценивать настоящее.

Татьяна Крылова

БАБУШКИНЫ ГЛАЗА

Война — вооруженный конфликт между государствами и различными группировками, который влечет за собой страдания невинных людей. Но именно она помогает в полной мере осознать ценность человеческой жизни.

Моя бабушка, Мария Ивановна, была ещё ребёнком, когда началась Великая Отечественная война, но всё равно не забыла врезающиеся в мозг звуки рвущихся бомб, свист снарядов; лица, искаженные ужасом; глаза людей, наполненные предсмертным страхом.

Память постоянно возвращала её в те дни. Бабушка часто рассказывала о большой и дружной семье, где она была самой младшенькой. Её брат-близнец умер от голода совсем младенцем. Детям приходилось есть всё, что жуётся, начиная с отрубей, заканчивая, чем придется. Как-то папа достал шоколадные конфеты. Это было чудо. Ребяточки старались их смаковать очень медленно. Навсегда те конфеты остались для бабушки самыми

вкусными, а глаза лучились от радости при воспоминании о них, хотя в дальнейшем она могла позволить себе сколько угодно и каких только захочется.

Мария Ивановна гордилась тем, что семья была дружная, все держались вместе, помогали друг другу. В наше время такое случается не всегда, чаще думают о себе. Семейные ценности обесценились, а в войну они, напротив, окрепли: люди прочувствовали важность таких понятий, как дружба, любовь, взаимопонимание и взаимовыручка. Моя бабушка всегда пыталась объяснить мне необходимость и обязательность их в жизни. Но, к сожалению, я осознала всё слишком поздно, когда хоронила её. Только тогда прочувствовала, как важна поддержка семьи. Бабушка умерла, но она прожила огромную жизнь и, главное, успела мне объяснить, что не так страшна война, когда есть родные люди. Страшнее война между близкими людьми и с самим собой.

Я никогда не забуду её глаза перед смертью, наполненные страхом. Страхом не за себя, а за меня, за моё будущее. Она не хотела, чтобы я испытала кошмар, который пришлось пережить ей в далёкие военные годы.

Анастасия Осташева

«МЫ БЫЛИ ВЫСОКИ, РУСОВОЛОСЫ...»

Что стало бы с Ленинградом, не будь Дороги жизни? Об этом не хочется думать. Хочется просто поблагодарить тех, кто возил муку через Ладогу.

Но не только муку доставляли в блокадный город. Тонны зерна и фуража были перевезены через озеро, на грузовиках и конных санях поставляли боеприпасы и материалы для флота. Всего по Дороге жизни за весь период её действия доставили 1 млн. 615 тысяч тонн самого разного груза и было эвакуировано около 1 млн. 376 тысяч человек.

Дорога жизни закалила шофёров, курсирующих по Ладоге. Каждая поездка — риск не вернуться и страх перед тем, что ты можешь вернуться домой и обнаружить там трупы родных. Каждая поездка — машины, уходящие под лёд зачастую вместе с товарищами, а самое главное — с продуктами. Пренебрегая холодом, водители ездили с открытой дверью, чтобы можно было успеть выскочить из машины, если она проваливалась

в воду. Но многие не успевали...

Мой прадед был одним из тех, кто ездил на Большую Землю за драгоценными продуктами для осаждённого города. На протяжении всех блокадных лет он и помыслить не мог присвоить себе хоть толику того, что перевозил: позади, в кузове, лежали килограммы муки и зерна.

Эта работа изнуряла как морально, так и физически. Приезжая домой, прадед мог сидеть мыться в детской ванне — до того он стал истощен. Встречи с семьёй были краткими — всего несколько часов между рейсами. Оставляя дома жену с двумя маленькими детьми, прадедушка снова отправлялся в путь, чтобы привезти новые запасы продовольствия. А возвращаясь, он шёл по разрушенному городу и с тревогой думал, живы ли жена и дети.

Никаких особых привилегий шофёры не имели. Разве что им позволяли забирать домой мешки из-под муки. Сейчас это кажется непонятным, но тогда такой мешок был

целым сокровищем. Прабабушка вытряхивала остатки содержимого и делала небольшие лепёшки. Это, хоть немного, но спасало от голода.

Ещё шофёрам давали небольшую бутылку водки перед рейсом для того, чтобы согреться и «для храбрости» — ведь каждая поездка требовала и душевных затрат, надо было сохранить присутствие духа. Но прадедушка привозил эти бутылочки домой, чтобы жена могла поменять водку на еду. Однажды соседка прознала об этом и доложила в милицию. К счастью, у прабабушки был знакомый милиционер, который предупредил её о том, что готовится обыск. В итоге ничего не нашли — всё было надёжно спрятано в печке.

Мой прадедушка был красивым, видным и, казалось, здоровым человеком. То напряжение, что он испытывал за годы Блокады, сказалось позже. До конца жизни он страдал от сердечных приступов и скончался в 55 лет от инсульта.

Мария Баратлева

ОН БЫЛ ОБЫКНОВЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Война – это всегда трагедия для простых людей. В мирное время у человека есть вера в будущее, в то, что завтра жизнь близких и его самого не оборвется безвременно. В войну все иначе: судьба всех, от мала до велика, подвержена серьезной опасности. Особенно судьба детей.

Летом прошлого года скончался мой дед, Николай Матвеевич Мазуров. Он был совершенно обыкновенным человеком, тружеником: тридцать три года работал на ферритовом заводе столяром, а выйдя на пенсию – плотником и стекольщиком на пескобазе. Последний год жизни дедушка провел в инвалидном кресле: из-за осложнений сахарного диабета лишился ноги. Однако это обстоятельство не сломило его: несмотря ни на что, он продолжал ждать, когда ему сделают протез – «Дача пропадает!». Не дождался...

Необыкновенное трудолюбие маленький Коля буквально впитал с молоком матери: родившийся в семье деревенского кузнеца, мальчик всегда помогал своим родителям по хозяйству. Накануне войны мой дед, у которого были еще две старшие сестры и три брата, остался без бабки – теперь на его плечи легло

вдвое больше работы. Когда Коле было 12 лет, на Псковщину пришли немцы, и семья до самого 1944 года оставалась в оккупации.

Дедушка очень часто вспоминал об этом времени – потоки информации с телеэкрана о войнах, терактах и убийствах не просто огорчали его, а порой доводили до слез:

– Даже в сороковых столько людей не умирало! – много раз приходилось слышать из его уст.

А смерть он видел. Фашисты, заняв деревню, селились в хозяйских домах, выгоняя жильцов куда подальше – хорошо, если во дворе можно было устроиться в сарае. Неповиновение – расстрел. Чтобы сохранить жизнь себе и детям, мать, Ульяна Степановна, перешла с ребятами в старую деревянную баню, построенную еще моим прадедом. По рассказам отца я представляю себе это строение: небольшое по

площади помещение, насквозь пропитанное копотью и влагой. Баня была совершенно не приспособлена для обитания в ней людей.

Коля по-прежнему помогал семье. Сельская школа уже давно не работала, а жизнь должна была продолжаться наперекор самым тяжелым невзгодам.

В конце 1943 года детей отделили от родителей, причем моего деда – единственного ребенка из всего семейства – погнали в Германию. Казалось, что тут-то и пришел все-таки конец: родные уже никогда не встретятся вновь, а кто-то наверняка так и не увидит чистого свободного неба над головой. К счастью, судьба распорядилась иначе.

В Литве, под Шауляем, Коля бежал из товарного вагона поезда, следующего прочь от родной земли. Как потом говорил дедушка, в тот момент он думал лишь об одном – о том, что-

бы его не смогли поймать и вернуть обратно, в рейс, идущий напрямиком в ад.

В Прибалтике юноша прятался у одного литовца, помогая ему по хозяйству в усадьбе. Николай Матвеевич давным-давно забыл имя этого человека, но всегда поминал его добрым словом – несмотря на то, что в это время приходилось переживать тяжелый голод.

Мне же сегодня кажется, что такая судьба моего деда является очередным доказательством беспечности попыток политиков – не

только прибалтийских, но и мировых вообще – изменить восприятие истории в глазах современников. Простое население не могло видеть захватчика в лице пятнадцатилетнего русского мальчика – он был такой же жертвой, как и все вокруг. Жертвой, которая благодаря милосердию смогла вернуться домой, воссоединиться с близкими и, наконец, обрести долгожданную свободу – вместе с убеждением, что война никогда не должна случиться вновь.

Евгений Мазуров

На улице пусто, за окном темно. На душе грустно. В такие моменты мне часто вспоминается добрый знакомый Рябинин Анатолий Сергеевич.

ДЯДЯ ТОЛЯ Посвящается Рябинину А.С.

Когда мне было одиноко, я всегда могла зайти к дяде Толе с тортиком, выпить с ним и с его женой Галиной Павловной чашечку тепло и ароматного чая. В минуты откровения, о чем бы ни беседовал этот человек, всегда возвращался к теме войны, снова и снова вспоминая те давние события. Он как будто бы был не с нами в уютной комнате, а вновь там, опять голодный, грязный мальчишка с босыми ногами и любопытными большими глазами... В такие моменты я понимала, что воспоминания о войне причиняют ему боль. Но когда он рассказывал, казалось, что ему становилось легче.

Дядя Толя жил во время войны в Ленинградской области, где шли ожесточенные бои. Их отголоски много лет тревожили пожилого человека. Ему хотелось избавиться от тех воспоминаний, облегчить душу, рассказав о пережитом молодому поколению. Именно поэтому однажды он все-таки поддался на уговоры прийти в школу. И ребята услышали о настоящей войне: о рукопашных боях, о голоде, о смерти и страданиях людей. Особенно мне запомнилась одна история:

«... я был совсем непослушным ребёнком и часто во время боёв бегал смотреть, как это всё происходит. Однажды увидел трёх лошадей, которые бежали к лесу с поля. Двух из них застрелили, а третью я

не мог отыскать взглядом. И только на следующий день вернулся ещё раз увидеть животных. Убитых нашёл сразу, а пропавшая оказалась в кустах с подбитой ногой. Она меня испугалась, но встать не смогла. Тогда побежал к маме попросить, чтобы помогла, но та отмахнулась, на ходу посоветовав: «Перевяжи ей ногу!». Вспомнив, как она накануне бинтовала солдату руку лопухом, сделал точно также. Я назвал лошадь Белкой из-за схожей окраски. Лошадь потихоньку пришла в себя и вскоре уже самостоятельно передвигалась. Спустя несколько дней мы должны были покинуть укрытие и взяли с собой Белку. Она со мной прожила всю войну и несколько послевоенных лет».

Вечно угрюмый, он улыбался, как маленький ребенок, рассказывая нам давнюю историю. Война оставила шрам на сердце этого доброго пожилого человека. Шрам, который так и не смог зажить, так как картины пережитого отголо-

сками напоминали о прошлом. Его горечь и боль не ожесточили Анатолия Сергеевича. Радужно приветствуя меня, он всегда шутил, по-доброму поддразнивал. Вместе с женой всегда радовался моему приходу. Приветливый дом стал для меня родным, как и его обитатели. Сколько лет знала эту супружескую пару, столько удивлялась их единодушию: выносить мусор, идти в магазин, в гости, в поликлинику – вместе везде. Неудивительно, что и к Богу они отправились вместе.

Анатолий Рябинин умер 10 января 2009 года.

Галина Рябинина умерла 11 января 2009 года.

Я никогда не забуду их. Их самые счастливые, самые добрые и любящие глаза.

Проходя мимо дома, я смотрю на окна, пытаюсь разглядеть знакомые лица. Смотрю до слез в глазах... до боли... Навсегда в моей памяти. Навсегда в моем сердце.

Марьям Ибрагимова

ВСПОМНИМ О ТЕХ, КТО КОМАНДОВАЛ РОТАМИ...

Мы с самого детства знаем о великом подвиге, который совершили наши деды. Знаем, какими тяжелыми для Советского Союза были те 4 года в середине двадцатого века. Осознание этого к человеку приходит, когда он способен делать самостоятельные выводы и принимать решения.

Вспоминаю себя десять лет назад. Тогда я, маленькая шестилетняя девочка, вместе с бабушкой должна была каждое утро покупать молоко, которое привозили из соседнего фермерского хозяйства. Вставать рано, собираться, выстаивать очередь, и все это ради того, чтобы отнести покупку малознакомой мне женщине. Наверняка, не каждому ребенку понравится такой режим. Но исправиться ничего не могла. После нескольких походов к Римме Васильевне (так звали нашу подопечную) выяснилось, что она милая и приветливая старушка. А молоко мы ей носим по доброте душевной. Так прошло лето 2004 года. На следующий год, когда я приехала к бабушке на каникулы, походы не казались мне такими удручающими, потому что я узнала историю жизни Риммы Васильевны.

В возрасте шестнадцати лет она жила в деревне под Ленинградом. Когда немецкие войска стали наступать,

девочка вместе с остальными жителями деревни ушла в лес. Ночью они подходили к своим домам, чтобы забрать некоторые вещи, но позже туда заселились фашисты. Спустя два месяца в лесах образовался большой партизанский отряд из жителей нескольких деревень. Римма Васильевна была участницей нескольких диверсионных вылазок на железную дорогу, где с товарищами подрывала составы, идущие в сторону Ленинграда. Когда начался прорыв Волховского фронта, партизанский отряд освободил три близлежащие деревни и вышел на встречу советским войскам...

Теперь я просила сходить к Римме Васильевне в гости без повода, чтобы послушать истории о войне, но тогда все воспринималось как сказка. Уже шесть лет Риммы Ва-

сильевны нет в живых, но только сейчас ко мне приходит осознание того, что сделала эта женщина и сотни таких же людей для нас, живущих в мирное время.

У известного фронтового поэта Павла Шубина есть строки, в дальнейшем переложенные на музыку и пользовавшиеся необычайной популярностью, особенно среди ленинградцев:

*Пусть вместе с нами земля Ленинградская
Вспомнит былые дела,
Вспомнит, как русская сила солдатская
Желтец за Сихтин гнала.
Вспомним о тех, кто командовал ротами,
Кто затерзал на снегу,
Кто в Ленинград пробивался болотами,
Лорло лотая врагу.
Вспомним о тех, кто неделими долги
В терзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладоге, бился на Волхове,
Не отступал ни на шаг.
Будут в преданьях навеки прославлены
Лод пулеметной пургой
Аши штыки на высотах Сянбяина,
Аши полки подо Мгой.*

Мне кажется, это о моей знакомой и о её друзьях, совершавших свой ежедневный подвиг во имя нашего будущего. Спасибо им.

Дарья Секисова

Когда человеческая жизнь не стоит ничего. Когда все, что у тебя есть – вера и надежда. Когда каждый день просыпаешься с мыслью, что он – последний.

Когда не сдаешься, несмотря на боль, страх и усталость. Когда забываешь, что такое просыпаться в своём доме под спокойное пение весенних птиц.

Я не знакома с войной на личном опыте, я не знаю, каково это – держать холодное оружие в руках. Мне трудно представить, какой силой воли должны обладать солдаты на фронте. Но с каждым разом, когда в голове мелькает мысль о войне,

ЭТИ МАЛЕНЬКИЕ ЖЕЛТЫЕ ЦВЕТЫ...

сердце болезненно сжимается.

Столько историй нам было рассказано, столько мы еще не слышали. Но каждая фраза, которую произносят о Великой Отечественной, пропитана состраданием к ветеранам и участникам тех сражений. Их называют героями, и, конечно, не зря.

Для меня героем войны навсегда останется прабабушка Аня. Помню, она рассказывала мне про одуванчики. Когда еды совсем не хватало, а кушать хотелось нестерпимо, прабабушка с сестрой собирали эти маленькие желтые цветы. Их варили, а потом ели, как кашу. Конечно, это не захват Берлина или вывоз детей из окруженного Ленинграда. Но та находчивость, то рвение к жизни через все преграды, преодоление всех бед достойно уважения.

Как ни тяжело думать о тех временах, но мы, следующие поколения, должны помнить о них. Ведь все те усилия, которые солдаты и просто жители прикладывали для борьбы с врагом, были вовсе не для собственного блага. Они заботились о будущем, заботились о нас. И как писал Роберт Рождественский: «Вечная слава героям! Слава героям! Слава!»

Анна Иванова

«ИМЕННО ОПТИМИЗМ СТАЛ ЕЁ АНГЕЛОМ – ХРАНИТЕЛЕМ

В гостях у моей бабушки Люды жизнь всегда бьёт ключом. Никогда у неё не случается чинных обедов с нависающим молчанием и медлительным звоном чьей-то ложки, постукивающей о дно тарелки. Диваны у неё не пахнут старостью, пыль не витает в воздухе, часы не тикают на всю квартиру, мрачно извещая о неумолимом течении времени. Напротив, из радиоприёмника всегда звучат весёлые песни, а бабушка громко подпевает, пока, хлопоча, кружится по кухне, а порой и сама садится за фортепиано, и дом заполняется мелодиями итальянской классики. Моя бабушка по жизни идёт с улыбкой, а её неизменный девиз с самого детства – «Всё будет хорошо!». Именно этот оптимизм стал её ангелом – хранителем на жизненном пути, где за каждым поворотом таилась смерть.

В 1938 году на Украине в посёлке Грицеве родились девочки-близняшки – Люда и Мила. Их мама, Клара Пельц, после родов была в очень тяжелом состоянии, а девочки оказались слабыми настолько, что врачи, спасая мать, даже не обращали на новорождённых внимания, уверенные, что обе они умрут. И одна из них умерла. А другая выкарабкалась, самостоятельно. Эту девочку и назвали Люд-Милой, сразу за двоих. Но на этом борьба за жизнь у маленькой Люды не закончилась: Клара, до конца не поправившись, не могла выкормить дочку, не было молока. Во второй раз от смерти Люду спасла её тётя Хана. Тогда старшая сестра Клары со своим мужем жила у отца, Берка, простого рабочего – выделщика шкур и воспитывала троих детей, младший из которых был ещё грудничком. Она и забрала к себе племянницу, вскормив её как свою. Бойкий характер Людочки не заставил себя ждать. Девочка ни минуты не сидела на месте, всё время была в движении, пела и танцевала, вызывая своим поведением постоянные переживания Клары, которая тряслась над дочерью, пытаясь от всего её уберечь. Спустя год они вдвоем перебрались в Шепетов-

ку, где мать устроилась работать медсестрой на железнодорожном вокзале. Это, как потом оказалось, стало их спасением.

Когда в 41-м году началась оккупация Украины немецко-фашистскими войсками, Клара с дочкой, захватив только документы и сахар, договорились с проводником и на первом же поезде эвакуировались в Ташкент, где и прожили до освобождения родных мест. Сейчас в семейном фотоальбоме всего лишь две детские фотографии моей бабушки. Обе были найдены Кларой на улице во дворе её разграбленного дома, когда она приехала обратно в Шепетовку. Своего же отца, Наума Городницкого, Люда никогда не видела: он был военным, и перед началом войны с финнами в 1939 году был отправлен на штурм линии Маннергейма, откуда и не вернулся.

Стойкость Людмилы, свойственная ей с самого рождения, проявлялась и проявляется всю её жизнь, а своим оптимизмом она заражает даже самых неисправимых меланхоликов и пессимистов вроде меня. Она – мать пятерых дочерей, бабушка десяти внуков и даже двух правнуков в прошлом году отпраздновала своё 75-летие, юбилей, на

котором никто не вздыхал ностальгически о минувшем прошлом, но говорили только о настоящем под детский смех и возгласы, о таком счастливом настоящем. И тем не менее ничто не забыто. Своей первой дочери Люда дала имя Аня – русскую интерпретацию имени Ханы. Тремя детьми той самой спасительницы Ханы в нашей большой семье не досчитываются. Она в 41-м эвакуироваться не успела. Оккупанты с помощью оружия заставили евреев маленького Грицева выйти на улицу, собрали их в одну толпу в 300 человек и под конвоем вывели в лес. Там их заставили копать несколько больших ям для самих себя. Младшему сыну Ханы на тот момент было четыре с по-

ловиной года. Вначале прыгать в могилу заставляли самих, живьём, а когда люди отказывались, просто ставили их на колени на краю ямы и давали автоматную очередь. Кто-то получал смертельную пулю, кого-то только ранили, и они, в суматохе, падали на дно ямы вслед за мертвецами. «Выстрела милосердия» в провинции не полагалось, пули на это не тратили, поэтому раненых никто выстрелом в голову не добивал, оставляя их в мучениях умирать на трупах родных. Тех, кто в яму не упал, а остался лежать на откосе, сбрасывали вниз прикладами и ногами. Ямы засыпали, а вокруг поставили пятидневный конвой, чтобы никто не мог помочь закопаным. Местные жители, украинцы, рассказывали потом, что земляная насыпь на телах людей несколько дней качалась – поднималась и опускалась – от их дыхания, потому что погребённые были ещё живы. Через месяц за этими тремястами последовали ещё несколько сотен человек. Теперь на небольшой грицевской посёлке насчитывается три братские могилы. На лесную окраинную могилу, где лежит Хана, её муж и дети, бабушка Люда ездила

с младшими дочерьми – моей мамой, тётей Оксаной и тётей Катей – каждый год 9 мая.

Сейчас не существует ни одной еврейской семьи, в которой не пролилась бы кровь предков в жертву холокосту. А что до остальных? Большинство неевреев о холокосте ничего в общем-то не знают, да им как-то и дела нет. Некоторые над этим шутят, а есть и такие, кто утверждает, что всё евреи сами выдумали. Иные и вовсе устраивают дешёвые антисемитские провокации как сейчас на майдане: рисуют нелепые карикатуры, закатывают вертеп с «жидом» или ещё чего того похуже. На вопросы: «Почему?» и «За что?» ответить никто не мог и когда травили людей сотнями тысяч в газовых камерах, и сейчас. Да я и сама не знаю, как нужно говорить и рассказывать, чтобы впредь ни в одном уме не вспыхнула идея повторить. Я пессимист, и обычно адресуюсь к еврейским стихам Александра Городницкого: «Наши деды дышали озоном газовых камер, и такая же внукам моим уготована смерть». А моя бабушка трижды доказала, что оптимистом быть возможно. И верит в этот мир.

Алина Антипина

МОЯ ВОЙНА

«Жарко тогда было, двадцать второго июня, а у меня – голубенькое платье и лакированные туфельки. Красивые очень, блестящие». Бабушка на секунду прикрывает глаза, тихо звякает её чайная ложечка о край фарфорового блюда. «Я сидела в гостях и ждала мать с рынка. Юрка, мы с ним дружили, все корабли рисовал на клочках клетчатой бумаги (обычной почему-то не было). А я ему карандаши подавала».

Бабушка улыбается, пальцы разглаживают складки на белой салфетке. «Мама приехала с полной сумкой: черешня – темно-красная, круглая, душистая и тяжелая. А потом зашла соседка, испуганная и раздражённая, сказала, что война опять началась. Мать меня сразу схватила и повезла домой, мы жили на Охте. Народ уже вывалил на улицу, все старались скупить как можно больше продуктов. Брали, в основном, крупы всякие, а мы купили кусковой сахар, килограммов десять, не меньше. Вечером пришел отец с работы и сказал, что его завод, скорее всего, эвакуировать не будут.

А потом для меня начался настоящий рай: мама выдавала каждый день по несколько копеек на карусели, чтобы я накаталась, война ведь длинной может быть. И мы с ребятами бежали на Ваську, там тогда стояли аттракционы. Больше всего я любила лошадок, раз двадцать прокачусь – и все равно мало». Бабушка смеется негромко и чуть качает головой. «Я ведь и знать не знала, что родители все это время искали способы, как меня эвакуировать из Ленинграда. Какое мне, шестилетней девчонке, до этого дело...»

А через пару недель после объявления войны знакомый отца предложил отправить меня вместе

с детским садиком, куда ходила его дочь, в Новосибирск. Родители обрадовались, конечно, а я ревела как заведенная: ведь мне нельзя было брать с собой любимого плюшевого огромного медведя. В назначенную дату мы прибыли на Московский вокзал. Я, с рюкзаком за спиной, мама и папа. Людей на привокзальной площади было немерено, большинство с детьми. А посреди этой толпы стоял ларек с фруктами и овощами. И вот там, в этом самом ларьке, я увидела абрикосы. Желтые и мягкие, они лежали в деревянном ящике на прилавке. Прилипла я к ним намертво. Мать и кричала, и ругалась, что на поезд опоздаем, а меня все равно не оторвать. Отец не выдержал, сказал, мол: «Возьми ты ребенку эти абрикосы, ну. Просит она, может, в последний раз». Мы отстояли очередь, купили. А потом прибежали на перрон и увидели конец удаляющегося вдалеке поезда.

Мать была безутешна, а мне хорошо – я дома со своим медведем и абрикосами.

На следующий день папа вернулся с завода вечером и сказал маме, что поезд, на котором я вчера должна была уехать, разбомбили. Весь. Никого не осталось. Вот оно как бывает». Бабушка замолкает, закусывает губу, пальцы ее сжимают белую ткань салфетки.

«А завод отца все-таки решили эвакуировать, и мы тряслись на длинных нарах, ехали в Омск. Город холодный, ужас. Я там и в школу пошла, бегала каждую неделю по понедельникам за молоком через кладбище. Жили по несколько семей в двух комнатах, топили буржуйку. Мать еду на ней готовила – баланду. А медведя моего плюшевого отдала. Отец обменял на целую буханку хлеба. Осенью сорок пятого мы вернулись в Ленинград, разбомбленный, но живой. От нашего дома на Охте ничего не осталось. Жили у знакомых, семь человек в одной небольшой комнате. Вот такая она была, моя война». Бабушка встает, моет чашку, ставит ее на стол и поворачивается. «Люблю я эти абрикосы, сил нет!». Она улыбается подрагивающими губами, а в лучистых морщинках около глаз застыли прозрачные немые капли.

Рассказ бабушки записала
Ольга Егорова

ДВАЖДЫ СПАСЕННАЯ

Поверили ли бы Вы, если услышали о том, что во времена Великой Отечественной войны могло быть милосердие со стороны противников? Скорее, нет! О каком милосердии и доброте может идти речь в такие страшные для нашего народа времена? Всегда охватывает ужас, когда представляешь, сколько людей погибло, и сколько было русской пролитой крови. Я бы не поверила тоже, если бы это не касалось нашей семьи.

Мой прадедушка – ветеран Великой Отечественной. В те годы он воевал в Белоруссии под Новым селом. Буквально накануне нападения Германии прадедушка встретился с моей прабабушкой. Их знакомство произошло там же, в Новом селе, когда она, окончив институт в Минске, вернулась к себе на малую родину. Юноша тогда же завершил обучение в артиллерийском училище.

И вот началась война. Прадедушка ушел воевать, а прабабушка осталась в селе. Спустя некоторое время, у них родилась дочь. Шло время. Однажды утром немецкие войска вошли в Новое село. Фашисты ворвались в дом моей прабабушки. Надежда Максимовна тут же взяла дочь на руки. Один из врагов направил на нее оружие, и в этот момент внезапно заплакал ребёнок. Наверное, тогда в сердце оккупанта проснулось жалость, и он смог выстрелить лишь в потолок.

Через некоторое время, когда малышка уже умела ходить и немного говорить, фашисты снова пришли в село и потребовали еды с каждого дома. Надежда Максимовна вынесла продукты из погреба. Затем зашла в курятник за десятком свежих яиц. Когда она отдавала яйца немцам, моя бабушка (та самая маленькая девочка), поскольку их очень любила, схватила одно из этой миски и зажала в руке

за спиной. Все замерли в ожидании возмездия. Один из немцев полез за пазуху. Ужас отразился на лицах родственников. Но он вытащил не оружие, как все ожидали, а обычный фотоаппарат и сфотографировал мою бабушку. Это фото сохранилось и до сих пор находится в нашем семейном альбоме. Там изображена маленькая девочка с хитрым взглядом, а в руках она держит куриное яйцо.

Потом наступил 1945 год и счастливая дата – 9 мая. Все женщины встречали своих мужчин с войны. Вернулся и мой прадедушка, проживший впоследствии до 90 лет.

Алиева Яна

СКОРБНЫЕ ЛИСТЫ ПРУСОВЫХ

Зачастую, вспоминая о блокаде, люди имеют в виду солдат, оборонявших город, и обычных граждан, живших в Ленинграде в то непростое время. Меньше вспоминают о врачах и медсестрах. А ведь они так же, как и бойцы, совершали ежедневный подвиг, спасая тысячи жизней. Именно этим людям была посвящена выставка «Скорбные листы блокады (из истории одной семьи)», открывшаяся в Военно-медицинском музее. Мне удалось посетить её.

Большая часть экспонатов размещена на стене. Создатели поместили на полотне обоев дневник Фаины Александровны Прусовой — медицинской сестры, работавшей в больнице им. Софьи Перовской, рисунки и блокадные записи ее детей: Бориса, военного хирурга, и Надежды, санитарки, можно было понять, что именно это время было самым страшным и невыносимым. «Мы окружены кругом — совершенно. Надя захирела совсем. Я едва-едва хожу. Боря пухнет. Как спастись от голода? Холода?».

Кутузовой отправили под Лугу рыть окопы. А нас заставили ехать на окраину города — крепить оборону». В записях представлены основные моменты жизни семьи. С комком в горле я прочитала о событиях зимы 1941 года. Судя по эмоциям, выраженным автором, можно было понять, что именно это время было самым страшным и невыносимым. «Мы окружены кругом — совершенно. Надя захирела совсем. Я едва-едва хожу. Боря пухнет. Как спастись от голода? Холода?».

Прочитав дневник полностью, я была поражена стойкостью и силой

характера Фаины Александровны. Несмотря на то, что ее дочь отправили возводить оборонительные сооружения, а сын, опухший от голода, работал в больнице, ослабшая женщина верила, что вскоре всё закончится, и все близкие останутся в живых. В 1944 году советские войска прорвали линию обороны немцев. «Все-все зарыдали от счастья. Даже не верится, что обстрелов больше не будет! Можно ходить и спать спокойно!» — пишет счастливая Фаина Александровна.

Помимо настенной экспозиции на выставке много экспонатов, находящихся в музейной витрине.

Здесь анкеты Фаины, Бориса и Надежды Прусовых, в которых содержится важная информация: от персональных данных до сведений о том, где и как воевали эти люди. Также можно увидеть фотографии, сделанные во время блокады, медицинские инструменты, предметы и вещи, применяемые в быту. Например, примечателен фрагмент сыромятного ремня, часть которого использовалась для приготовления студня.

Но самое трогательное, мимо чего нельзя пройти без слез, напечатанное на листе и находящееся на стекле витрины стихотворение Бориса Дмитриевича Прусова, посвященное умершему сыну Сашеньке.

Сын

1. Я получил открытку в октябре,
Что потерял я сына.
Да! Больше он с цырушкой ко мне
Не подбежит, ручки вскинув,
Сказавши тихо: «Папа...на»,
Бери, мол, на руки меня.

2. С Ладоги суровый ветер дул,
Мешая доставлять продукты к Ленинграду.

Мой Саша ехал с бабкой в Барнаул,
Через ледовую и грозную преграду.
Но организм молодой не одолел
Уже лишений, и ребенок заболел.

3. Врачей диагноз был простой:
Понос и пневмония коревая,
Сердечко, утомленное борьбой,
Остановилось, на лекарства невзирая.

Трудно сказать, какое чувство остается в душе после сближения с обычными, на первый взгляд, вещами, хранящими в себе столько тайн и загадок, впитавшими в себя следы горя и радости, пахнущими войной и праздником.

Знаю лишь одно: я уходила с выставки с чувством светлым и вдохновенным, побуждающим благодарить за свой город и свою жизнь людей, которые потрясающей стойкостью выковали победу для своих потомков.

Екатерина Паникар

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

9 мая, посёлок Сосново в Приозерском районе, 40 километров от Санкт-Петербурга. Ровно в 11 часов от здания школы (она здесь единственная) обычно начинается шествие. С первого по одиннадцатый класс дети выстраиваются в колонну во главе директором. Всегда так, но не в 2013 году...

Именно тогда группа молодых журналистов и несколько депутатов выступили с инициативой организовать проект «Бессмертный полк». В течение трех месяцев составляли базу данных на погибших во время Второй мировой войны, собирали сведения.

В итоге в том же году 9 мая в 11:00 к колонне школьников примкнула группа из 25 человек со штандартами и плакатом «бессмертный полк», и вместе они двинулись от ворот школы. Жёны, мужья, дети, внуки несли фотографии своих родных, героев, детей войны. Пусть нет этих людей сейчас с нами, и мы даже не были знакомы с ними, но память о совершенном подвиге будет жить вечно. Они дали жизнь нашей стране, второе дыхание всему миру. И мы не вправе забыть это. Пусть память остается только на

фотографиях, на клочках бумаги, в дневниках. Но она будет жить, пока мы помним, кто наши герои и кому мы обязаны настоящим.

И подтверждение тому — ежегодное торжественное шествие «бессмертного полка». Надеемся, что оно станет доброй традицией.

Марьям Ибрагимова

«ДЫША ОДНИМ ДЫХАНЬЕМ С ЛЕНИНГРАДОМ...»

Все мы знаем, насколько трагическим событием была блокада Ленинграда в истории нашей страны. В городе царил голод, морозы и смерть, а поход за жалким, крошечным кусочком хлеба превращался в настоящее испытание, в котором ценою была человеческая жизнь. Когда мне предложили сыграть одну из главных ролей в отрывке из пьесы «Бедный Марат», где рассказывается о весне 1942 года, я согласилась, тогда ещё не понимая, насколько это будет сложно. К тому же я чувствовала большую ответственность: ведь выступать нам предстояло не перед обычной публикой, а перед ветеранами Великой Отечественной войны.

В той части, которую я должна была представлять, рассказывалось о печальной судьбе Лики, забредшей в один из немногих уцелевших домов на Фонтанке в поисках тепла, и Марата, после службы вернувшегося в свою квартиру и обнаружившего там эту девушку. Ему нужно было решить: прогнать её на улицу или разрешить остаться, несмотря на то, что она сожгла всю мебель и дорогие для его сердца вещи, чтобы согреться.

Подготовка к спектаклю на первой репетиции началась с чтения ролям, но уже тут у меня возникли проблемы. Сложно оказалось изобразить страх и робость в голосе, когда сидишь в тёплом и уютном помещении, а твоей жизни ничто не угрожает. Тем более, это вовсе не тот страх, который охватывает нас перед экзаменом или каким-то волнующим событием, тут необходимо продемонстрировать настоящий ужас, будто ты можешь погибнуть в любую минуту. Когда текст был выучен, а более или менее удовлет-

ворительные результаты в его прочтении, наконец, достигнуты, мы принялись репетировать на сцене.

Каждый раз я слышала комментарии нашей преподавательницы: «Недостаточно волнения; нет испуга в глазах; ты должна играть так, словно каждый миг для тебя может стать последним... Сыграть хрупкую, изнурённую войной Ликой стало для меня трудной задачей. Поначалу, полагаю, все мои действия со стороны смотрелись нелепо: ведь передать состояние, в котором тогда находились люди, у меня не получалось. То время было особенным для нашего города: особенная стойкость, особенная силы воли, эмоции и люди. Проникнуться состоянием, в котором пребывали мои ровесники в блокаду, мне всё никак не удавалось.

Чем ближе становилась дата выступления, тем больше я вжива-

лась в образ, тем лучше у меня получалось играть, и тем больше мне казалось, что игра моя недостаточно хороша. Ведь в зале будут сидеть люди, которые пережили то, что я пыталась изобразить.

К счастью, всё прошло удачно. Нас поздравляли с успешным выступлением и говорили, что мы отлично сыграли. И всё-таки я убеждена, что каким бы хорошим актёром не был человек, ему никогда не удастся прочувствовать до конца то состояние жителей осаждённого города, стеснённых голодом, холодом, находящихся на пороге смерти, но нашедших силы выстоять и остаться людьми, сохранить присутствие духа, доброту и сердечность. Я благодарю случай, что дал мне возможность сопереживать с тем временем, почувствовать и понять его героев.

Екатерина Андреева

5 ВОПРОСОВ О БЛОКАДЕ

В очередной раз приближаются торжества, посвященные победе в Великой Отечественной войне. Сколько уже о ней было снято, написано, сказано... Мне тоже посчастливилось соприкоснуться с этой важной темой, пообщавшись с замечательным человеком, блокадницей Ираидой Григорьевной Новиковой.

Блокада. Для переживших ее это слово ассоциируется, в первую очередь, с ощущением постоянного, нестерпимого голода. Поэтому свою беседу с жительницей осажденного Ленинграда я начала с вопроса:

Расскажите, пожалуйста, как вы спасались от голода?

Однажды мы увидели, как горели Бадаевские склады, где хранились продукты, в основном, мука. Это было в начале сентября. И незамедлительно нам убавили норму хлеба по карточке. Среди жителей началась паника. Мы с мамой поехали туда, где лежал корм для скота. Его прозвали «дуранда», то есть отходы от производства муки, спрессованные в такие «кирпичики». Хотя их и назвать так нельзя, все находилось прямо под открытым небом. Они, естественно, охранялись. Причем, конной милицией.

Только блюстители порядка отворачивались, народ набрасывался на эти кучи, хватал, сколько в руки могло уместиться, и убежал. Набегали раза по три. У нас оставались какие-то деньги, так что немного купили у тех, кто так же запасался, но продавал. В итоге, набрали около десяти килограмм, и хватило нам этого надолго.

А как вы готовили? Газа ведь тоже не было?

Отчим соорудил печурку (что-то вроде буржуйки), через комнату провёл дымоход. Дров было мало, но соседнюю школу переоборудовали под госпиталь и вынесли оттуда парты. И мы отапливали ими дом, чтобы хоть как-то греться и готовить тот самый жмых. Размачивали его, лепили оладьи и жарили прямо на железной печке, безо всяких сковородок. Это дополнительное питание и спасло нас с мамой жизнь. Хотя давали еще кое-какие продукты: крупы, чечевицу, горох. Очень немного, да и очередь нужно было отстоять.

Ираида Григорьевна, скажите, пожалуйста, учились ли дети войны?

Я закончила всего 6 классов, при том, что училась с восьми лет, и один год я пропустила из-за болезни. Мне было 15. А с 8 сентября

началась блокада и вместе с ней обстрелы. Немцы к городу очень приблизились и периодически бомбили. В нашу школу попал снаряд. Именно туда, где находились кабинеты. Все уничтожили. И мы как-то перестали ходить на учёбу, боялись.

Вы представляли себе, находясь в Ленинграде, какие бои разворачиваются вокруг, верили в победу?

Мы воспитаны с верой в Сталина, в наш режим, поэтому даже мыслей не было о том, что проиграем войну. А вот вера в победу была. Люди думали: это временно.

Я видела раненых, но не представляла, какая обстановка на фронте. Хотя догадывалась, что приходится очень тяжело. Но как было на самом деле, толком не знала.

Какой война вспоминается вам сейчас? Как вы ее видите через столько лет?

Сейчас я все больше думаю о том, что этой войны не должно было быть. И мечтаю, чтобы будущее поколение не узнало всех ужасов, с которыми столкнулись люди в те годы.

В заключение я хотела бы пожелать Ираиде Григорьевне крепкого здоровья. А нам всем — чтобы на нашей планете никогда не было войн.

Беседовала Екатерина Коломеец

8 ТЫСЯЧ ИМЕН...

Весна. Солнечный день. Малая Охта. Достаточно заселённый район. Детские площадки, гостиницы, новые бизнес центры. Среди этих высотных зданий, за небольшим холмом стоит довольно неброский храм. Когда-то на его месте было кладбище, где хоронили петербуржцев. В 19 веке здесь построили церковь святой равноапостольной Марии Магдалины. Но вскоре и кладбище, и церковь решили уничтожить. Уже к войне был пустырь.

Когда в блокадном городе не хватало места для массовых захоронений, тут образовались братские могилы. Имена погребённых в них солдат уже никто и никогда не узнает. Земля, переполненная болью людей, не могла остаться не увековеченной. И вскоре началась постройка нового храма в честь богатой истории этого места и в честь умерших от холода и голода жителей Ленинграда. Чтобы хоть как — то выразить свою благодарность им, было принято решение возводить церковь исключительно на средства от пожертвований. Любимый желанный за небольшую плату мог написать имя погибшего в те страшные дни войны на кирпичике строящегося храма. В результате, на его стенах оказалось начертано более 8 тысяч имен — жертв блокады. Так как возведение началось в день Успения Пресвятой Богородицы, церковь получила одноименное название. Над входом в храм разместили икону Божией Матери Державной, выложенную мозаикой и установленную к 60-летию победы в Великой Отечественной войне. Но именно этот лик привел к трагическим последствиям. Когда протоиерей Виктор Ерошенко осматривал его перед открытием, от ураганного ветра строительные леса обрушились. От травм и переломов настоятель скончался. Его похорони-

ли на территории храма прямо напротив входа в саму церковь. Так, хорошо продвигающееся строительство было омрачено.

История духовных заведений в войну очень впечатляющая. Атеистически настроенные власти в то время, понимая, какую силу людям даёт вера, не запрещали богослужения, обеспечивая священников запасами вина и хлеба. Службы в храмах всегда проходили при переполненных помещениях. Даже когда начались обстрелы города, никто никуда не уходил, а лишь по сигналу все ненадолго пряталось в бомбоубежищах. Прихожане отдавали свои теплые вещи и продовольствие солдатам. Многие священнослужители сами уходили на фронт. Народное ополчение занималось маскировкой соборов, купола перекрашивали и закрывали чехлами. Тяжелые времена люди смогли пережить благодаря огромной вере, которая всех очень сплотила. После освобождения невосковой твердыни церковь и православное движение начали свое возрождение, но храм Успения Пресвятой Богородицы по сей день является местом воинской памяти и народной признательности тем, кто отдал свои жизни во время осады Ленинграда.

Сейчас, в мирное время, небольшая церковь привлекает с одной сто-

роны простотой и богатой историей с другой. Она совершенно не похожа на большие позолоченные соборы. Наоборот, на их фоне выглядит достаточно скромно. И аккуратность только украшает ее. Вокруг колокольни и храма раскинулся церковный садик. Видно, что люди, которые ухаживают за ним, делают это с большой любовью. Тут находятся памятники детям Беслана и православным воинам, погибшим на Кавказе. На всей прилегающей территории очень спокойная атмосфера и удивительно умиротворяющая энергетика. Это место — украшение правого берега Невы. Оно греет взор людей и успокаивает душу тех, кто пришел помолиться или раскаться. Каждую субботу здесь поминуют погибших в блокадном Ленинграде. Также тут существует молитвенная книга, куда вписывают имена жертв 1941-45 годов, ежегодно она становится ещё объёмней. И именно поэтому современное поколение никогда не забудет имена своих героев и подвиг своего народа. Они навсегда останутся в наших сердцах.

Алиса Пономарева

БЛОКАДНЫЙ ХРАМ

Храм Успения Пресвятой Богородицы, больше известный горожанам под названием «Блокадный храм», место очень дорогое для многих как хранилище памяти о близких им людях, погибших во время долговременной осады Ленинграда. Сразу же нельзя не заметить то, что отличает его от других — стена с фотографиями, где изображены события тяжелейших времен, когда прихожанам нужна была не только духовная помощь. Самая большая (в центре) вызывает жалость и сострадание: мальчик со свечой на фоне в ряд сложенных букетов и склонившихся людей, оплакивающих потерянных родных. Изображенное на стене заставляет проникнуться и сопереживать несчастным, лишившимся близких во время блокады.

Открывая с усилием тяжелую дверь, попадаешь в полутемное помещение. Оно освещено лишь солнечным светом, льющимся из

«МНЕ ПОВЕЗЛО БОЛЬШЕ...»

О войне нам рассказывали буквально с первого класса. О том, как голодали, сражались и умирали. О том, какой героизм проявил советский народ, защищая Родину. Практически каждая семья понесла потери, а у некоторых наших сверстников нет уже в живых никого, кто застал Великую Отечественную.

Мне повезло больше, так как среди родственников оказалось трое очевидцев, не понаслышке знающих о том, что происходило в Ленинграде: две прабабушки (сёстры) и сын одной из них — ребёнок блокадного города. Сейчас Илье Борисовичу Гуткину 79 лет, но своё детство он помнит до сих пор достаточно отчетливо. Несмотря на то, что тема для разговора с моим любимым двоюродным дедушкой, которого мы ласково называем дядей Илюшей, была не слишком позитивной, он встретил меня с особым гостеприимством — в хорошем расположении духа и с горячими пирогами.

Когда началась война, вам было всего 6 лет. В таком возрасте дети не понимают значения самого этого слова...

Прежде о войне я слышал только от мальчишек — соседей по коммуналке (во время войны мы переехали к маминной сестре, чтобы во всём помогать друг другу и быть рядом), но только в качестве игры. После того, как она началась на самом деле, я не боялся. Мама казалась очень спокойной, а раз мама не боялась, так чего мне переживать? Даже взрывы не пугали, хотя при артобстреле, когда мы спускались в бомбоубежище, все бежали, иногда даже кричали и, конечно, очень боялись, ожидая его окончания. А для меня это было чем-то вроде игры. Я воображал себя тоже солдатом, уничтожающим немцев, и каждый «Бах!» представлялся для меня выстрелом из танка или пушки, которым я крушил врага.

Безусловно, всем известно о том голоде, который мучил блокадников. Как питались вы? Было ли что-нибудь кроме хлеба и воды?

Конечно, было. У меня корни еврейские (смеётся), так что мы всегда что-нибудь да отыскивали: горох сохранили, какие-то макароны. Добавляли совсем понемногу, чтобы хоть какой-нибудь вкус был. Но всё равно голод нас настиг, тогда даже с окон пробовали сковыривать какую-то клейкую штуку и есть её.

А как насчёт времяпровождения? Ведь ребёнку всё равно надо что-нибудь делать, тем более такому смелому, как вы.

Чего я только не делал! Разве что не читал сначала — не умел. Я любил представлять себя борцом против фашизма, так что как всегда — играл в войну, в игрушки, строил шалаши. А первый год ещё помогал смотреть за двоюродными братом и сестрой (двойняшками), но они погибли с началом голода... Под конец войны (я уже тогда в школу пошёл) мы с одноклассником таскали капусту и морковь.

Откуда таскали?

Да прямо с клумб. У нас почти весь двор был в таких грядках. Пойдёт сигнал об опасности, а ты пока до бомбоубежища добежишь, цап-

нешь какую-нибудь морковку и до дома прятать её. Правда, за такое воровство мама здорово ругала...

Маме удавалось с вами погулять? Или на улицу ходили только для того, чтобы спрятаться в бомбоубежище?

Гуляли иногда, только тоже недалеко от дома — на всякий случай. А выходили ещё и за карточками, и на рынок что-нибудь обменять. Правда, на рынок мама старалась нас не брать.

Почему же?

Некоторые «торговцы» продавали холодец из человечины. К трупам на улице привык, но от такого зверства мама старалась держать нас подальше.

А что насчёт друзей? Вы же наверняка обрели товарищей в школе?

Обрёл, со многими из них дружил. Однако кое-кто погиб, кто-то был эвакуирован...

Почему вас не эвакуировали? Вы же были в городе всю блокаду?

Мама не отпустила. Она не могла расстаться со мной. Нас вывозили школами, естественно, спрашивая у родителей. Но многих не смогли забрать из семьи. По-моему, процесс эвакуации был опасней жизни в городе. Да и сам был я её тут не оставил.

Когда блокаду сняли, каковы были ваши чувства?

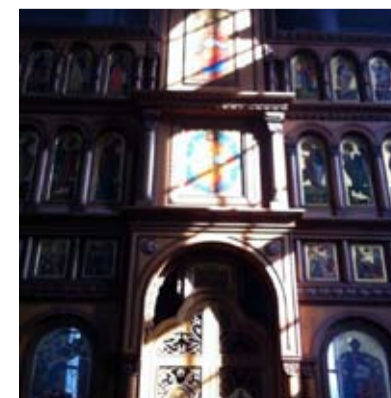
Многие плакали от счастья. Мне в тот момент было уже 10 лет, я был слишком взрослым мужчиной, чтобы плакать (смеётся), но радовался очень. Впервые вместо выстрелов и бомб салют увидел! Думал, что и война совсем скоро закончится. И даже спать было трудно от таких мыслей, я всё время мечтал. Даже построил планы на будущее. А вот когда казнили фашистских преступников на площади (сейчас не вспомню уже, где именно), то мы отправились смотреть на этих сволочей. И я был так рад, наблюдая, как они задыхались в петлях... Мама не возражала, что я туда пошёл, правда, одного меня не отпустила, потому что разъярённая толпа готова была растерзать немцев... Но ты не бойся, сейчас мне самому жутко вспоминать их лица.

Сейчас вам 79. Не больно вспоминать о событиях того времени?

Это же история моей жизни. Как может быть больно? Я тогда, конечно, много всего пережил, да и война для меня стала нормой жизни. Всё время бегать в убежища, искать еду и развлекать себя, как могу... Но, думаю, то был огромный опыт. Зато, как только она появилась опять, начал учиться готовить, чтоб на всякий случай. Видишь, какой пирог замечательный?

Пирог действительно отменный! Спасибо!

Беседовала
Елизавета Шавкина

И хорошо, что есть храм, который помогает нам в этом.

Виктория Пискунова

ТРОГАТЕЛЬНО, ПЕЧАЛЬНО
И ИСКРЕННО...

Что самое главное в войне? Убить больше вражеских солдат? Разграбить больше деревень и разбомбить городов? Или захватить побольше территорий? А, может, суть её не в этом? Что, если самое главное — остаться человеком, несмотря на голод, боль и страдания? Быть человеком не потому, что так учили в школе, а вопреки всему. Быть человеком даже тогда, когда оставаться им дальше просто невозможно. Фильм «Воронка книг» утверждает именно это.

Действие разворачивается в фашистской Германии 1939-го года, то есть в канун Второй мировой. И это интересно уже само по себе. Ведь, несмотря на то, что фильмов о той войне очень и очень много, те из них, что рассказывают о жизни мирного населения, а уж тем более населения Германии, можно пересчитать по пальцам.

Главная героиня — девятилетняя девочка Лизель, которая переезжает в Мюнхен к своим приемным родителям на Небесную улицу. Она даже не умеет читать, отчего в школе её все дразнят «дурехой». Но нет ничего невозможного для того, кто искренне чего-то хочет. С помощью своего нового отца, Ганса Хумбермана, Лизель начинает учиться грамоте, и вскоре чтение становится её любимым занятием или, вернее сказать, жизненной потребностью. Правда, не всегда эти книги можно достать честным путем и иногда приходится их «одалживать», то есть воровать.

Но фильм повествует вовсе не о пользе книг и даже не о духовном развитии личности. В «Воронку книг» заложено то самое «старое, доброе, вечное», которого так не хватает в современном кинематографе. Мораль, семейные ценности, отвага и стойкость — кажется, здесь есть все составляющие всякого кино о войне. Однако «Воронка книг» похожа на любой из подобных фильмов и одновременно резко отличается от них. Во-первых, здесь нет сцен военных сражений, а показан героизм другого рода. Тот, который должны были проявлять люди в тылу, чтобы спрятать в своем подвале беженца; чтобы ждать родных с войны и верить в победу; чтобы не

бояться воя воздушных сирен.

«Воронка книг» — необычайно красивая картина, снятая по книге Маркуса Зусака, которая втягивает зрителя в свою атмосферу с первых же кадров и не отпускает до самого конца. Своеобразный стиль, используемый режиссером Брайаном Персивалом, только больше усиливает драматизм, играя на самых тонких струнах человеческой натуры. Хочется отметить, что героям сопереживаешь каждую секунду без исключения. На целые два часа ты забываешь, как тебя зовут и где ты находишься, но зато помнишь, кто такая Лизель и как выглядит Небесная улица в мельчайших подробностях. Трудно сказать, чья именно это заслуга: актеров, режиссера или композитора. Одно можно утверждать наверняка — вкупе их работа дает удивительный результат.

Особенно яркой можно назвать игру Джеффри Раша (Ганс Хумберман), который вызывает симпатию при первом же появлении. Его герой пробуждает невероятно теплые чувства, за него переживаешь больше всего, с ним сближаешься духовно... Софи Нелисс, сыгравшая Лизель, смотрится на экране не так ярко, но всё-таки не может не притягивать к себе самого пристального внимания. Роль отважной девочки из фашистской Германии далась

ей на «ура». И, хотя в некоторые моменты в сознании проскакивает навязчивое «не верю», в остальных эпизодах она успешно это компенсирует.

Помимо прочего невозможно не отметить, как фантастически выдержана атмосфера военной Германии. Костюмы, декорации, планы для съемок — все это не заставляет сомневаться в своей подлинности ни на секунду. И, разумеется, отдельный плюсики заслужил и Джон Уильямс (композитор «Списка Шиндлера») за простую, но очень трогательную музыку.

Фильм напоминает каждому из нас, что далеко не все немцы были фашистами. Что они страдали от этой войны так же, как и все остальные. Их матери тоже плакали, когда отправляли своих детей на фронт, а ребяташки придумывали Гитлеру смешные прозвища. «Ненавижу Гитлера», — шепчет Лизель своему приемному отцу. «Ненавижу Гитлера!» — в голос кричит она, стоя вместе со своим другом Роди у реки. И, глядя на этих детей, которые тоже боятся и страдают, кажется, что нет никакой разницы — русский ты, еврей или аринец. Война — одинаково горе для всех...

Если вы давно ищите картину про настоящие человеческие чувства и эмоции, про гуманизм и героизм в чистейшем виде, а также, если вам просто нужно как следует сопереживать и поплакать, то «Воронка книг» определено для вас. Этот фильм заставит любого задуматься о философском смысле нашей жизни и предаться светлой грусти. Трогательно, печально и искренне. Стоит посмотреть.

Аниса Шакирова

МАЛЬЧИК В ПОЛОСАТОЙ ПИЖАМЕ

«*Детство наполнено звуками, запахами, видами до тех пор, пока не возникнет тёмный час осмысления.*»

До определённого момента всё в жизни воспринимается как игра, и эта детская беззаботная пора приносит немало счастья. Нас окружает столько разных интересных вещей, а в головах — столько по-детски наивных мыслей, столько планов и желаний.

Фильм «Мальчик в полосатой пижаме» снят на серьезную тему, ярко демонстрирующую детскую непосредственность и отношение к миру, который слишком жесток для неокрепших умов. Два мальчика — две совершенно разных

судьбы. Трагичная история друзей, оказавшихся по разные стороны забора из колючей проволоки, не может оставить равнодушными зрителей.

Бруно — сын немецкого офицера концлагеря, стоящего на службе у страны. Любопытному исследователю слишком мало дома и двора. Он находит тайную тропу, ведущую к лагерю, за оградой которого видит странного мальчика в полосатой пижаме по имени Шмюль. Бараки — ферма, «пижамы» — рабочая форма. Даже номер на «пижаме» для него — все это часть какой-то игры и всё настолько интересно, что ребята становятся друзьями, естественно, втайне от окружающих.

Бруно не хочет слушать ни отца, ни сестру, ни учителя, чьи объяснения заканчивались ссылками на учебники, которые заставляли читать. Доводы родителей, как и пропаганда нацизма, пытаются убедить ребенка, что евреи — зло. Мальчик не понимает, за что не любят евреев, почему все считают их плохими. Он ещё

совсем маленький, чтобы делить людей по каким-то неведомым искусственным признакам, действует по воле своего сердца, души, совести. Поэтому не перестает общаться с узником, что приводит к плачевному результату...

Сюжет фильма не может оставить равнодушным зрителя, заставляет задуматься над многими вещами, покопаться в себе. После просмотра остается боль от понимания того, сколько погибло людей: уничтожены целые нации лишь только потому, что они «не такие как все». Сколько же зла, ненависти, бесчеловечности, жестокости должно существовать в сердцах людей, чтобы вершить чужие судьбы, чтобы убивать себе подобных — это вопрос, который не дает мне покоя спустя много времени. Именно такие фильмы я бы советовала смотреть детям и подросткам, и, может быть, тогда, спустя несколько лет, мы перестанем видеть свастику на стенах зданий; может тогда задумаемся, прежде чем оскорбить кого-то, не похожего на нас...

Алина Поздеева

НЕВЫДУМАННАЯ
ИСТОРИЯ

Недавно я посмотрела ставший за короткое время популярным фильм Фёдора Бондарчука «Сталинград». В картине повествуется о «драматической истории любви на фоне грандиозной битвы». Несколько советских солдат перебираются через укрепления и захватывают здание, где встречаются девушку Катю (Мария Смольникова). Её дом заняли немцы, и она не успела перейти за линию фронта. Пятеро бойцов остаются защищать Катю. Это основные события, положенные в основу сюжета.

Незадолго до «Сталинграда» мне удалось познакомиться с документальной лентой Людмилы Снигирёвой «Город в огне», основанной на реальных рассказах жителей и защитников. Да, место, время, и, пожалуй, внешний вид дома Павлова — это всё, что объединяет два фильма. Остальное переосмыслено Федором Бондарчуком и показано совершенно по-иному. В многочисленных интервью режиссер утверждает, что картина рассчитана на молодёжь, поэтому он делает больший упор на художественность. Хотелось бы возразить мастеру, что приторно и истории нужно относиться уважительно, и не стоит приукрашивать действительность. Например, дом, в котором разворачиваются основные события, назван именем одного из оборонявших его — Павлова. В картине об этом ничего не сказано, поэтому здание осталось без имени. А в конце, по сюжету, защитники остаются в доме, который стараются захватить немцы. Они просят по радио атаковать, хотя сами не имеют возможности покинуть его. Помещение бомбят, полностью превратив в руины. В действительности солдаты покинули дом, и в Волгограде до сих пор стоит стена от него, где высечены имена героев.

На мой взгляд, в этом фильме слишком много внимания уделено теме любви. На фоне военных действий появляются две пары: русский солдат Сергей (Сергей Бондарчук) — русская девушка Катя, немецкий офицер Кан (Томас Кречманн) — русская девушка Маша (Янина Студилина). Любовь Кана к Маше доходит до такого фанатизма, что он носит ей еду, забывает про дом, который должен захватить, а затем забирает любимую из толпы пленных, рискуя своей головой. А в противовес им показаны Маша и Сергей. Он ухаживает за своей подругой, защищает, но в то же время ни на минуту не забывает о долге. На этом строится вся интрига, война уходит на второй план, а внимание переключается на отношения.

Кинокартина снята слишком эффектно, драматические события на данном участке фронта в 1942 году практически не отражены. Отчаянное наступление солдат, горящие люди, бегущие атаковать фашистов — всё это показано скорее красиво, чем реально. Поэтому почти не возникает жалости к героям, но невольно начинаешь думать: почему у бойцов чистая одежда, почему они бегут, объятые огнём, и наконец, как им таким малочисленным составом удаётся прорвать немецкую оборону. Это возвращает к вопросу о достоверности.

Но на фоне этой приторности до крайности бессердечными выглядят советские солдаты. К примеру, эпизод, когда Катя попросила научить её стрелять. Во время обучения девушка в качестве мишени выбирает немца, бегущего за водой. Ещё один момент: среди бойцов, занявших дом, был матрос, который начал нервничать и кричать во время разговора о дальнейших военных действиях. Его, по приказу командующего, застрелили. И, наконец, очень яркая сцена: один из наших называет Машу, возлюбленную Кана, «подстилкой немецкой», увидев её рядом с ним, и стреляет на поражение. Русские показаны настолько жестокими, что даже Кан говорит Маше: «С вами невозможно воевать. Вы стреляете в спину».

Как ни странно, картина начинается вовсе не с событий 1942 года. На экране руины, пламя пожаров и взрывы. Но это не Сталинград, а авария 2011 года на атомной станции «Фукусима», где наши соотечественники помогают разбирать завалы. Под ними находят несколько человек, в том числе и девушку, которой один из спасателей рассказывает о своей матери и пятерых умерших отцах. Она возражает, что так не бывает, но спасатель с улыбкой утверждает обратное. И сразу действие стремительно переносится в Сталинград. Кстати, матерью мужчины оказалась та самая Катя, а пятеро отцов — это бойцы, которые защищали дом.

Думаю, что «Сталинград» — один из самых красивых, но, к сожалению, не душевных фильмов. Он похож на воздушный шар, который раздули рекламой до невероятных размеров, но со временем он сдувается. В Интернете всё больше отрицательных отзывов. Возможно, молодёжи, на которую так рассчитывал режиссёр, всё же интереснее реальные события, чем очередной красивый вымысел.

Александра Мостовая

ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ?

ПРЯМИКОМ НА ВОЙНУ

Все любят отдыхать по-разному. Кто-то смотрит телевизор, кто-то читает книги, кто-то просто погружается в себя... Но большинство проводит время за компьютерными играми. Естественно, что каждый имеет здесь свои собственные пристрастия, но я хочу рассказать о трех самых необычных, в которых затрагивается тематика войны.

Многие из них, особенно «про войну», дают нам возможность ощутить то, чего не испытаешь за всю свою жизнь. Игры способны перенести тебя прямиком в Майями с жарким солнцем, теплой водой и холодными напитками; внедриться в тело полицейского, ведущего дело по расследованию убийства, также и на войну, в горячую точку: заставить волноваться за главного героя, понять все его переживания, мысли. Они могут научить тактике либо внушить определенную мораль, поведать историю событий, рассказать о каком-нибудь герое войны или просто дать напутствие в жизни.

Одна из первых игр, с которой хотелось бы познакомиться, называется «Company of Heroes 2». Это стратегия в реальном времени, разработчики которой Relic Entertainment (до этого THQ). Выпущена 25 июня 2013 года. Здесь вас заставят пережить Вторую мировую войну и такие события, как битвы за Москву, за Берлин, Сталинградская битва, блокада Ленинграда и так далее. Стратегия вполне сложная и заставляет подумать, как повести себя в той или иной ситуации. Есть одиночная кампания, где компьютер не даст вам расслабиться, и многопользовательская игра с профессиональными геймерами, которые отрабатывают тактику днями и ночами. Единственный её недостаток — многие события не соответствуют истине. Некий блогер Евгений Баженов выпустил критикующий видеобзор, обличающий игру в клевете. Если вы хотите такую без вранья, то вам как раз в первую часть — «Company of Heroes». Именно она копирует сюжет сериала «Братья по оружию».

Вторая игра — «Sniper Elite V2», разработанная британской компанией Rebellion Developments, вышла в свет 30 апреля 2012 года. Ремеjk её первой части («Sniper Elite»): 1945 год, Берлин, вы — в теле разведчика Карла Фейрберна. Сразу же вам ставится задача: спасти немецких ученых-ракетчиков, связанных с разработкой ракетной программы V2. Но не все так просто. На пути к оказанию помощи встретится много проблем и препятствий, не дающих выполнить основное задание. Тактика и осторожность — главное в этом суровом тактическом шутере. Все, что вам необходимо — твердое дыхание и орлиное зрение, ведь главное оружие разведчика — снайперская винтовка. При стрельбе придется учитывать

направление ветра, вес пули, дыхание, пульс. Вам дается миссия, и вы сами вправе выбирать, как ее пройти. Можно забраться на церковь и вести стрельбу прямо с колокольни либо просто обойти невнимательных врагов. Само управление представлено от третьего лица. Есть как однопользовательская кампания, так и многопользовательская игра против других партнёров.

Еще одна игра под названием «Смерть Шпионам». Разработчики — российская компания Haggard Games (Ростов-на-Дону). Да-да, наша отечественная разработка... Мы не славимся ни игровой индустрией, ни киноиндустрией, но данное предложение обрело успех и популярность, несмотря на своего родителя. Здесь смесь стелса (англ. Stealth — скрытность, т.е. незаметное прохождение), экшена и шутера. 1943 год, вам реально нужно попотеть, ведь вы контрразведчик организации «СМЕРШ» (сокр. Смерть Шпионам). Игра **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** сложная, и не так-то просто выполнить первое задание. В каждом из последующих нужно проникнуть на вражескую территорию немецко-фашистских спецслужб и выкрасть какой-либо документ, уничтожить что-нибудь или устранить важную персону. В арсенале много всяких шпионских уловок и диверсионных приспособлений. Например: можно устранить охранника и переодеться в его форму или установить взрывчатку на забор и пройти на нужную территорию. Все тот же вид от третьего лица, прекрасная графика и напряженная атмосфера дадут вам полностью почувствовать себя шпионом.

Но, увы, в отличие от художественной продукции эти забавы не оставляют никакого следа ни в умах, ни в душах нашего поколения.

Семён Пестов

Война. Нам уже не понять значения этого слова. Среди наших современников его осознаёт лишь солдат, бегущий с оружием в руках на врага.

Средства массовой информации периодически освещают военные события, происходящие в мире. Но мы не воспринимаем их сердцем. Мы смотрим выпуск новостей, как очередную серию мыльной оперы. И радуемся, когда показывают что-нибудь новенькое. Наше внимание привлекает лишь сенсация: стоит признаться — нас мало что может удивить. Человеческая жизнь сейчас так мало ценится...

Три года назад был инцидент с Фукусимой. Японцы быстро среагировали, что, впрочем, вполне можно было от них ожидать.

А чего нельзя было ожидать, так это переворота на Украине. Еще каких-то шесть месяцев назад никто не мог и предположить, что группка протестующих на Майдане способна спровоцировать столь масштабные действия. А теперь мы видим бунт — бессмысленный и беспощадный.

Давно забытый запах войны распространился по Восточно-Европейской равнине. Неразлучный с нею страх и опасение за себя и за отца (ведь, если что, нам идти на фронт) повисли в воздухе.

Что-то подобное чувствовали советские люди перед Второй мировой: что-то схожее по характеру, но намного сильнее.

Только благодаря этому страху я, пусть и неглубоко, но проник в душу солдата, шепчущего наивную молитву: «Боже! Сделай так, чтобы не было войн на земле!».

Что же было тогда, за несколько лет до самой кровавой войны человечества? Нам трудно представить, но мы должны — ведь новые войны наступают только тогда, когда забываются старые.

Европа во власти радикальных группировок. Им так легко занять власть после крушения монархий. Крестьяне, рабочие, буржуа радостно внимают многочисленным ораторам, среди которых особенно убедителен один с характерно подстриженными усами.

Избрание фашистской партии в Германии, красные знамена России, растущие небоскребы Америки и далеко на востоке подъем имперской Японии. Четыре могучие силы, четыре ветра, четыре стороны света и че-

НЕ БАЛУЙ!

тыре различных направления мысли.

Во время войны, начавшаяся из-за какого-нибудь пустяка, неизбежно должна была перерасти во всемирное побоище, оставив в прошлом колониальные империалистские боины.

Противоборство непримиримых идей сродни религиозным войнам здесь нельзя представить, например, чтобы вражеских пленников отправляли в полевой госпиталь подобно тому, как это было в 1812 году. Здесь более уместны концентрационные лагеря, причем с обеих сторон. До сих пор не было более кровопролитной, аморальной и страшной войны, чем та, что зовется Второй мировой.

Мы должны понимать, помнить насколько мужествен наш народ. Сейчас мне становится страшно при мысли, что если что-нибудь пойдет не так, нас с отцом отправят на фронт. Вы думаете, тогда человек не боялся? Намного больше! Но в самые трудные времена, как показывает история, проявляются лучшие качества славянского народа. Именно славянского!

Французы дали беспрепятственно пройти немецким войскам через всю страну, также и прочие страны континентальной Европы. Англичане сидели на острове в ожидании чуда. Китай, такая многочисленная великая нация, почти полностью завоеван японцами. Америка пафосно выжидала за океаном. Кто же остановил самую агрессивную идею XX века? Один народ во всем мире, одна страна!

Для историков и социологов ясен тот факт, что чем более народ предан своему Отечеству, тем он сильнее. Но это не уменьшает величия, и, я бы даже сказал, феноменальности Победы, которую, почти в ручную, одержал тогда советский человек.

К счастью, мы еще застали этих героев. Сколько у них сил: пережившие войну, блокаду, они не сломлены, они полны воли к жизни. Мы не должны забывать о них. Мы должны достойно продолжить их дело. Они с надеждой смотрят нам в глаза. И разве мы можем подвести?

Илья Дейкун

УРОКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ РОССИИ

Со дня окончания Великой Отечественной войны прошло уже 69 лет. Благодаря вере в свой народ и силе русских солдат, наше Отечество одержало Победу. Наши прадеды и прабабушки воевали за дальнейшую спокойную жизнь на земле, по которой мы сейчас ходим. Старшее поколение проделало поистине невозможную и непосильную работу, чтобы отстоять страну и победить фашистов. Опыт России учит, что успехи на фронте и в тылу были возможны благодаря сплоченности общества. Главное, что объединяло людей — это защита Отечества.

После такой долгой, мучительной и сложной борьбы заявление профессора Ю.Афанасьева, что война была вовсе не Отечественная, а чужая и несправедливая, начинаешь задумываться: зачем старики, дети, беременные женщины, новорожденные младенцы выносили все это? Зачем защищали свою Родину? Чтобы потом успешные благодаря ей же профессора говорили, что «война чужая»? Также поведение и высказывания кое-кого из молодежи (например, не лучше ли было сдать Ленинград, чтобы избежать блокады) меня пугают.

Победа в Великой Отечественной войне — выдающееся событие в жизни народа. День Победы — самый светлый праздник и, в то же время, праздник со

слезами на глазах. Отмечая каждый год Победу нашей Родины, мы искренне чтим память погибших людей и воинов, отдавших свою жизнь за свободу и независимость нашего Отечества. Подвиг народа навсегда останется бессмертен для всех поколений, которые были, есть и будут.

Опыт войны ориентирует нас на поиск согласия во имя общих целей, на достижение единства и сплоченности общества. Все же многие берут пример с отваги наших предков. Думаю, что молодых людей, готовых грудью встать за свою Родину больше, чем тех, которые без всяких сомнений бы сдались только для того, чтобы выжить. Хотелось бы надеяться.

Алёна Соснина